

Алина ОСОКИНА

г. Ульяновск

Последний разговор с сыном разделил жизнь Нади на две неравные части. В первой была хоть и не всегда счастливая, но такая простая и понятная жизнь. А во второй – пустота. Не осталось ни радости, ни любви, ни страха, только ноющая, тянущая боль. Пустота сама стала болью.

Телефонные птички доносили до неё голос сына. Он радостно сообщал, что его зачислили в институт, что сейчас он уладит дела с общагой и поедет на вокзал. Надя отвечала, что рада и ждёт его. Сын хотел сказать что-то ещё, но тут раздался металлический скрежет и связь оборвалась. Надя пыталась перезвонить, автоответчик не пускал её к сыну. Она нервно повторяла попытки, а механический голос настойчиво предлагал оставить сообщение.

Позже Наде позвонили с незнакомого номера. Хриплый голос сухо сообщил, что её сына насмерть сбила машина. Наде показалось, что кто-то перерезал незримую пуповину, до сих пор соединявшую их. Мысленно она пыталась снова ухватить эту нить, но в руках оставалась пустота.

Когда закончилось следствие, родителям выдали тело. Так и сказали: тело. Слово сын перестал быть человеком, а превратился в безымянное «тело» без пола и возраста. Хоронили в закрытом гробу.

На похороны Надя никого не звала. Но, как-то узнав, пришли проститься соседи, учителя, одноклассники, дворовые приятели. Много плакали, причитали, вспоминали. Огромный платок человеческого сочувствия пытался накрыть Надю, но она уворачивалась.

Потом был суд. На скамье подсудимых сидела строгая блондинка, чуть старше Нади. То ли чиновница, то ли прокурорша. Она спокойно, уверенно смотрела на судью, словно не чувствовала своей вины или заранее знала, что её не признают убийцей.

В зале суда лились странные речи: получа-

НАДЯ

рассказ

лось, будто сын сам выскочил на дорогу в неположенном месте, а водитель не успела затормозить. Облако вины плавно перемещалось с блондинки на того, кто уже не мог за себя ответить. Женщину освободили прямо в зале суда, несмотря на недоумённый гул присутствующих.

С того дня прежняя Надя как будто перестала существовать. Вместо неё какая-то другая Надя отвечала на звонки, говорила с мужем, ходила на работу в родильный дом.

Заведующая отделением отстранила её от родов, опасаясь, как бы в таком состоянии она чего-нибудь не натворила. Её перевели на бумажную работу. Буквы и цифры, мелькающие перед глазами, хоть немного отвлекали от горя, а вот дома пустота побеждала.

Надя с Борисом по-прежнему жили вместе, но каждый прятался в своём стеклянном кубе. Изредка обменивались незначительными репликами, но больше молчали — каждый о чём-то своём.

Борис — худой, длинный, сутулый сорокалетний мужчина с клочковатой жидкой бородой и глазами подростка — всё так же изо дня в день помогал младенцам появиться на свет. А дома запирался в стеклянном кубе и молчал.

Надю это молчание устраивало. Она даже была благодарна мужу за то, что тот не лез к ней с бессмысленными разговорами и нелепыми утешениями. Изредка они кидали друг другу короткие фразы, которые спустя мгновение бесследно исчезали. Оказалось, что два человека могут блуждать в пустоте и не встретиться неделю, месяц и даже больше.

Пустота поглощала Надю, отдаляя её от мужа, родных, коллег. Время растянулось и стало мягким, как жевательная резинка. Надя растворялась в пустоте, становясь прозрачной, как само время...

В тот день Надя, как обычно, спустилась в приёмное отделение за документами. Ещё на лестнице она услышала, что кто-то скандалит. Впрочем, это было не такой уж большой редкостью. Может, какой-нибудь очередной нервный папаша устроил концерт медикам — думает, что без него не разберётся?..

Надя открыла дверь в приёмное отделение и застыла. Блондинка — та, что убила её сына, — ругалась с сотрудницей регистратуры. Как же часто во снах Надя видела её невозмутимое лицо, представляла, что с таким же лицом эта женщина сбила её сына! Теперь блондинка была другой, она, как дикая кошка, бросалась на персонал:

— Делайте же что-нибудь! Видите, как моя дочь мучается!..

Надя перевела взгляд на девушку лет восемнадцати с огромным животом, которая корчилась от боли на лавке.

— Мама!.. — постанывала она.

— Сейчас, потерпи, — кинула ей мать и снова переключилась на сотрудницу регистратуры: — Быстро вызовите врача! Хватит уже в эти бумажки пялиться!

— Женщина, успокойтесь, — отвечала та. — Вы нам всех рожениц перепугаете. Сейчас заполним все документы и займёмся вашей дочерью.

— Можно быстрее, а то ползаете как сонные мухи. Один мой звонок — и вас всех тут уволят. Да я бы никогда не привезла свою дочь в этот клоповник, если бы роды раньше срока не начались!

Надя следила за этой сценой, не смея пошевелиться.

— Надя! — окликнула её пожилая медсестра. — Зови Бориса! Срочно. Он один с такими... хм... сложными пациентами справляется. Говорят, эта дамочка в городе шишка какая-то... Как бы вправду не разнесла нам тут всё...

Надя медленно пошла назад, то и дело оборачиваясь.

— Ну, иди! Иди же! — махнула ей медсестра.

Надины ноги стали такими тяжёлыми, как будто их заковали в цепи. Каждый шаг давался с трудом, но она всё равно шла, преодолевая себя.

— Борис! — вскрикнула она, заметив в коридоре второго этажа мужа. — Там...

— Знаю, знаю, — спокойно ответил он. — Мне уже звонили.

— Борис!.. — Надя так хотела предупредить его — сказать, к кому он спешит на помощь.

— Потом!.. Потом! Надо бежать, — бросил он и умчался вниз.

Наде хотелось крикнуть ему вслед: «Не ходи!» Узнает ли он убийцу их сына? Сможет ли

он после этого?.. Мысли растекались, как кусочки льда на палящем солнце.

Надя последовала за мужем. Тяжесть в ногах постепенно отступила, идти стало легче. Она вернулась в приёмный покой. Там Борис уже уводил девушку в смотровую.

— Не бойся, милая, от меня ещё беременным никто не уходил, — привычно шутил он.

— Пустите меня, я с ней пойду! — рвалась следом за дочерью блондинка.

— Не положено, — с трудом сдерживала её напор молоденькая кудрявая медсестра.

— Позовите мне главного врача!.. Заведующую!.. Кто там ещё у вас есть!.. — бушевала женщина.

— Главврач в городе на совещании, а заведующая отгул взяла, — терпеливо отвечала ей медсестра. — Вы не переживайте так, Борис Саныч — хороший доктор.

— Да что тут хорошего в вашей богадельне может быть?! Пусти меня, дура! — огрызнулась родственница, но медсестра грудью закрыла дверь, в которую вошёл Борис с девушкой.

— Дамочка, успокойтесь! — вмешался подоспевший охранник. — Я вас на улицу выведу, если будете скандалить.

— Какая я тебе дамочка! — блондинка переключилась на охранника. — Да вы тут все с ума посходили! У меня там дочь! Если я не буду контролировать каждый ваш шаг, вы тут угробите её!..

— Замолчи! — наконец совладав с эмоциями, резко сказала стоявшая в стороне Надя. — Это больница, а не рынок. В кабинете у себя командовать будешь.

Блондинка перевела взгляд на Надю, присутствия которой до сих пор не замечала.

— Выбора у тебя всё равно нет! — строго выговаривала Надя. — До города дочь не довезёшь. Оставь в покое медиков. Они сами знают, что нужно делать.

Все застыли, шокированные внезапной смелостью Нади.

— Моей дочери нужен лучший персонал и лучшая палата, которые тут только есть, — уже спокойнее произнесла блондинка. — Я заплачу.

— Вам же сказали: Борис Саныч — отличный специалист, — вмешалась медсестра. — Всё нормально будет. Идите домой, вам позвонят.

— Я никуда отсюда не уйду, пока моя дочь не родит, — твёрдо сказала блондинка, глядя на Надю в упор.

— Тогда ждите на улице. Здесь — не положено, — холодно ответила та.

— Хорошо, я в машине подожду, — наконец согласилась блондинка. — Если будут новости, сразу сообщите мне.

— Надежда Петровна, какая вы молодец! А я думала, она убьёт меня, — сказала медсестра, когда буйная родственница ушла.

Надя ничего не ответила и пошла прочь от гудящего улья человеческих голосов.

Цифры и буквы, которые стали для неё спасительными пилюлями, сегодня не помогли. Она листала документы, что-то отвечала заглядывающим в кабинет коллегам, но душой и мыслями стремилась к окну, которое выходило на парковку.

Блондинка ходила возле серой машины, сжимая в руках стаканчик кофе из автомата. А Надя никак не могла отделаться от мысли, что это та самая машина, которая сбила её сына. Может, на ней ещё сохранились вмятины от удара или следы крови. От этих дурных мыслей разболелась голова. Надя отпрянула от окна и поспешила на улицу.

На крыльце она столкнулась с блондинкой.

— Ну что там, есть новости? — кинулась она к Наде.

— Пока нет, — сухо ответила та.

— Что ж так долго?

— Первые роды всегда долгие. Это нормально. Какие-то патологии во время беременности были?

— Вроде нет... — блондинка замешкалась. — Не знаю. Она ведь со мной не жила последнее время. Мы мало общались, впрочем, это не важно. — Блондинка достала из кармана пачку сигарет, нервно закурила.

Надя молча наблюдала за ней и думала о сыне. Она всегда знала, где и с кем он проводит время.

— Три часа уже прошло, — продолжала блондинка. — Может, вы сходите — узнаете, что там да как. Я заплачу, не обижу.

— Туда нельзя, — выдавила Надя. — Когда всё закончится, вам сообщат.

— Скорее бы уже.

Повисло молчание.

Злоба поднималась в Наде откуда-то из глубины, растекалась по дыхательным путям, парализовала чувства. Ей хотелось вцепиться в горло этой женщине, хотелось, чтобы она испытала ту же боль, чтобы пустота терзала и её тоже.

Надя думала, как там Борис. Он ведь не знал, что принимает роды у дочери врага, хладнокровно расправившегося с их сыном. Наде хотелось, чтобы такой правильный, такой хороший Борис хоть раз ошибся... чтобы во время родов что-то пошло не так. Она пыталась проглотить злобу, не дать ей овладеть разумом.

— Почему вы на меня так странно смотрите? — недоумённо спросила блондинка.

— А вы меня совсем не узнаете?

— Знаете, через меня столько людей проходит... Я не запоминаю лица.

— А помните мальчика, ровесника вашей дочери, которого вы сбили на своей чёртовой машине? — слова сами вырвались наружу.

Блондинка внимательно посмотрела на Надю, что-то припоминая.

— Так вы — мать? — догадалась она. — Значит, вы специально всё подстроили! Нашли способ отомстить. Пока я тут, там с моей девочкой...

— Ребёнок не отвечает за грехи родителей, — ответила Надя каким-то чужим голосом, — тем более ещё не родившийся.

— Если там, — блондинка указала на дверь, — что-то случится, я вас засужу!

— Что мне суд, который оправдывает виновных? — Надя не сводила с неё глаз.

— Клянусь, я тебя уничтожу! — шипела блондинка, словно змея, готовая накинуться на противника.

— Ты меня уже уничтожила. К сожалению, Борис слишком порядочный, чтобы отплатить тебе той же монетой. Он сам скорее умрёт, чем причинит вред ребёнку или его матери.

Две женщины смотрели друг на друга стеклянными, как будто неживыми глазами.

— Я не хотела, чтобы ваш сын погиб, — голос блондинки смягчился. — Всё случайно вышло. Я говорила по телефону с дочерью... Точнее, мы ругались. Я отвлеклась и не заметила того мальчика. Когда дала по тормозам, было

уже поздно. Я не скрылась с места ДТП, вызвала скорую. Я не хотела, чтобы он умер. Да, я виновата, не отрицаю. Но тогда я думала только о своей дочери. Вы же, как мать, должны меня понять.

— Нет, я не могу вас понять. Вы лишили меня права быть матерью. — Надина злоба начала отступать, оставляя после себя горькие невыплаканные слёзы.

Блондинка вытащила из пачки очередную сигарету. Глубоко затянулась.

— Что за несанкционированный перекур? — послышался голос Бориса, вышедшего на крыльцо. — Написано же — за-пре-ше-но!

Обе женщины повернулись к нему.

— Что с моей девочкой?! — выдохнула блондинка. — Она жива?

— Типун вам на язык, мамаша, — ответил Борис. — От меня все здоровыми и счастливыми уходят. Поздравляю, богатырь у вас. Правда, родился слегка недоношенным, ну ничего, скоро доберёт своё.

— Можно мне увидеть дочь?

— Пока нельзя. У нас там всё стерильно, нам инфекции лишние не нужны.

— Я заплачу, только пустите меня. Мне нужно убедиться, что с ней всё в порядке. — Блондинка полезла в сумку и извлекла из неё белый конверт. — Вот, держите.

— Вы мне бросьте эту самодеятельность, — строго сказал Борис. — Быстро уберите, пока я не рассердился.

Женщина повиновалась и положила конверт обратно.

— Сегодня вы с дочерью не увидите. Ей отдыхать надо. А вы поезжайте домой. Всё завтра.

Борис, как умелый заклинатель змей, быстро справился с блондинкой, и та пошла на парковку к своей машине.

— А ты чего здесь, Надюш? — ласково спросил он жену.

— Скажи, это правда, что с ними всё в порядке? — спросила она Бориса.

— Конечно. Девка молодая, здоровая... Чего ей будет? Она ещё пятерых родит!

— Скажи, а ты узнал, — голос Нади дрогнул, — эту женщину?

– Конечно, узнал, – ответил Борис серьёзно. – Я её там, в зале суда, очень хорошо запомнил.

– И ты принимал роды у этой девушки, зная, кто её мать?..

– Я ведь об этом не думал. Мы с тобой роды у каких только женщин не принимали. Кто знает, что они в жизни натворили? Дитё ведь не выбирает, где и у кого родиться. Надо ему родиться и всё тут, а наша сила ему в этом помочь.

– Боря, я ведь здесь говорила с ней... Я ведь хотела, чтобы с той девочкой и её ребёнком что-нибудь случилось... – призналась Надя.

– Брось эти мысли. Это обида, злоба, – утешал Борис жену. – Думаешь, я не скучаю по нашему мальчику? Ещё как скучаю. Если бы я только мог, сам бы бросился под ту машину, лишь бы его спасти. Но нельзя. А жить как-то дальше надо.

– Борис Саныч, – громко позвала его из окна медсестра, – вы нам нужны!

– Иду! – крикнул он в ответ. – Ну вот, ни минуты без меня не могут.

Он крепко обнял Надю впервые за много месяцев и направился в корпус.

Утром Надя вошла в палату для новорождённых. Бледный малыш с неестественно большим носом мирно спал в боксе.

– Смотри, какой светленький! Весь в мать, – сказала дежурная медсестра. – Представляешь, от него отказались!

– Как отказались? – удивилась Надя.

– А вот так. Приехала эта мамаша... Ну, ты её помнишь, блондинка... Сначала – к дочери, потом сразу к главврачу. На внука даже не взглянула. А девчонка, как родила, так и молчала всё. Мамаша её под белые рученьки – и увезла! Та даже не пикнула. Могу ещё понять, когда алкаши всякие от детей отказываются, а эти-то... Приличные с виду, полные карманы денег, а всё туда же. Лариска слышала, как мамаша главврачу говорила: «Не нужен он нам». Представляешь?

Надя молча наблюдала за младенцем, который ещё не знал, что лишился родных.

– Надь, а это правда, что ты возвращаешься? – спросила медсестра.

– Что? – не поняла вопрос Надя.

– Борис утром заведующей сказал, мол, всё, оправилась ты. Можешь обратно к работе вернуться.

– Борис сказал?.. Ну тогда да... да...

Малыш открыл глаза и слабо закричал. Надя протянула к нему руки, и что-то тёплое, как парное молоко, разлилось по животу, вытесняя пустоту и боль.

Алина ОСОКИНА

родилась в Ульяновске.

Окончила исторический факультет УлГПУ.

В настоящее время – сотрудник библиотеки.

Лауреат конкурса молодых литераторов Союзного государства

«Мост дружбы» (2018–2019),

Всероссийского конкурса «Хрустальный родник»,

областной премии «Первая роса»,

литературного конкурса «Северная звезда» (2020)

в номинации «Проза».

Публиковалась в журналах «Подъём», «Русское эхо»,

«Молодёжная волна», «Симбирск», «Кольцо А»,

«Причал», «Веретено» и др.

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

